

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ТОТ, КТО ЗНАЕТ
ПЕРЕКРЕСТОК

МОСКВА
2016

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ТОТ, КТО ЗНАЕТ
ПЕРЕКРЕСТОК

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация *Geliografic*

Маринина, Александра.

М26 Тот, кто знает. Перекресток : роман в 2 книгах. Книга 2 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. — 592 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-90057-2

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Машенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи, — от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90057-2

© Алексева М. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Она до сих пор помнила прикосновения его пальцев к своему телу, и ту ноющую боль, которая растекалась по коже, и ослепляющее жжение, которое стихало от звуков его голоса. Из памяти полностью стерлось, что и как он делал, но воспоминания о том, что она при этом чувствовала, не делались с годами тусклыми и размытыми, наоборот, эти воспоминания, то и дело возвращаясь к ней, становились все ярче и вызывали отвращение к себе самой, острое чувство вины и желание заплакать и напиться.

Часть 5

ПЕРЕКРЕСТОК. 1992—1993 ГГ.

Наталья

— Я боюсь, Андрюша.

Она впервые набралась смелости сказать об этом вслух, но легче не стало. Сердце забилося где-то в горле, как бывало в детстве и юности во время экзаменов, а позже — во время ответственных разговоров с вышестоящими начальниками. Правда, сейчас перед ней не экзаменатор и не руководитель, а друг. Доброе круглое лицо Андрея Ганелина выражает сочувствие и готовность выслушать и помочь, взять на себя тяжесть реше-

ния проблемы, но в том и беда, что эту проблему придется решать ей самой вместе с мужем, и никто третий здесь не поможет. Андрей всегда был для нее окрашен в песочно-желтый цвет. Сначала Наташа думала, что это цвет тепла и покоя, когда отбрасываешь от себя каждодневные хлопоты и можешь бездумно валяться на горячем песке черноморского пляжа, понемногу выдавливая из себя и утапливая в зыбучем месиве накопившиеся за год раздражение, усталость и боль от крупных и мелких разочарований. И только несколько лет спустя Наташа, в очередной раз глядя на Андрея, вдруг подумала: «Он как губка. Я выливаю на него свои эмоции, а он их впитывает. Такая желтенькая губка, которой мама вытирала воду с кухонного стола».

Через три дня — Новый год, завтра приедет Вадим, но не на праздники, как обычно, а теперь уже насовсем. Он получил назначение на должность старшего преподавателя в учебный центр в Обнинске, в 100 километрах от Москвы, и отныне будет жить дома, с женой и детьми. Десять и даже пять лет назад Наташа прыгала бы от радости в предвкушении этой новой счастливой жизни, но сегодня, в канун 1992 года, она поняла, что боится.

В последние три года Ганелин, став относительно состоятельным человеком и обзаведясь машиной, перед праздниками помогал Наташе с поисками продуктов к столу. Сегодня ей пришлось вскакивать ни свет ни заря, потому что Андрей собрался отвезти ее к семи утра к магазину «Колбасы» на Дмитровском шоссе. Магазин открывался в восемь, и если в семь утра занять очередь, то был шанс купить хорошие продукты — колбасу, сосиски, разные копчености, и к празднику, и на каждый день. Деликатесы завозили ежедневно, но хватало их примерно часа на три торговли, поэтому важным было приехать как можно раньше, чтобы оказаться в первой сотне покупателей. Они приехали к семи, отстояли на улице длинную очередь, то и дело бегая минут на десять в машину погреться, набили сумку продуктами, потом еще полдня мотались по городу в наде-

жде найти на опустошенных перед Новым годом прилавках то, что нужно, а заодно и елку купить. К пяти часам вернулись, выгрузили покупки в холодильник, обвязанную веревками елочку поставили в угол в прихожей, съели приготовленный Бэллой Львовной обед и теперь сидели в Наташиной комнате, пили кофе и обсуждали приготовления к новогодней ночи. Конечно, придут Инна с Гришей и Юлечкой и, как обычно, пригласят очередную «невесту» для своего холостого друга Ганелина. Супруги Гольдман уже оставили надежду женить Андрея, но по-прежнему, зная, что Наташа приглашает его на Новый год, старались обеспечить дамой хотя бы на время праздника. Андрей морщился, отнекивался, махал руками и уверял, что дама для разговоров ему не нужна, за столом и без того много приятных собеседников, а потанцевать он может и с Ирочкой, но Инна каждый раз строго говорила, что Ира — взрослая девушка, у нее своя жизнь и свои друзья и нельзя рассчитывать на то, что она просидит всю ночь с ними. И вообще, за столом, дескать, должен быть порядок, Вадим, в конце концов, не слепой, и присутствие одинокого неженатого мужчины в своем доме может ему не понравиться. Этот аргумент Андрею был понятен, и он мужественно терпел необходимость быть милым и ухаживать за очередной кандидаткой.

— Давай, я помогу елку поставить, — предложил Андрей.

— Не нужно, — отмахнулась Наташа, — посиди, отдохни. Завтра Вадим приедет, поставит.

Вот в этот момент она и произнесла то, что таила в себе весь последний месяц, с тех пор как стало точно известно о переводе мужа из Западной Лицы в Обнинск.

— Я боюсь, Андрюша.

— Чего ты боишься? Что не уживешься с собственным мужем? — засмеялся тот.

— Нет, не этого... Хотя и этого тоже. Понимаешь, он любит свою лодку и свой реактор. Ему больше ничего не интересно. Но он нормальный мужчина и хочет

жить со своей семьей и воспитывать своих сыновей. А совместить это невозможно. То есть нет, не так... Это возможно совместить только в том случае, если бы я пожертвовала своей работой и своей карьерой, наплевала бы на свои обязательства заботиться о Бэлле и Ирочке, взяла мальчиков и уехала к Вадиму в Лицу. Наверное, я должна была именно так и сделать. Но я не сделала. Тогда он решил пожертвовать своей работой, наплевать на лодки и реакторы и ехать сюда. Ему придется каждый день ездить по два часа на электричке в Обнинск и столько же вечером обратно, заниматься неинтересной работой и жить рядом со знаменитой женой, у которой то съемки, то премьеры, то депутатские заботы и которая кусочки свободного времени кроит на лоскутки, чтобы заниматься не только мужем и детьми, но и соседями. В Западной Лице он был капитаном первого ранга Вадимом Алексеевичем Вороновым, человеком уважаемым и авторитетным, а здесь он превратится просто в мужа Натальи Вороновой и станет даже не главой семьи, а еще одним из тех, о ком я должна заботиться. И я боюсь, что он мне этого не простит.

— Ему нужно идти в бизнес, — убежденно произнес Ганелин.

— По твоим стопам? — усмехнулась Наташа. — Или ты его к себе возьмешь охранником?

— Ты напрасно смеешься. Твой Вадим — умный и энергичный человек, я уверен, что у него все получится. Зато он начнет зарабатывать намного больше тебя, и вся твоя известность и политизированность уже не будут иметь никакого значения, потому что не ты, а он будет содержать семью. Вот посмотришь, не пройдет и года, как ты превратишься в жену крупного бизнесмена Воронова. Тогда тебе нечего будет бояться.

— Ты прав, Андрюшенька, как всегда, прав. Но Вадим на это не пойдет. У него менталитет другой. Он — морской офицер в четвертом поколении, для него служить Родине — это честь, это в генах у него сидит. И я не знаю, что должно случиться, чтобы он захотел и смог переломить себя. Я и люблю его за то, что он именно

такой, а не какой-то другой. Для него существует понятие воинской чести, чести офицера, поэтому он и продолжает служить, хотя в том бардаке, в каком мы все сегодня оказались, уже многие про честь забыли, только о деньгах и думают. Я не про тебя говорю, с тобой все понятно... Не принимай на свой счет. Андрюша, — она внезапно сменила тему, — неужели тебе не надоело меня любить? Мне иногда кажется, что ты просто дуришь нас всех, прикрываешься липовыми чувствами, которые якобы ко мне испытываешь, а сам...

— А сам потихоньку делаю свое черное дело, да? — рассмеялся Андрей. — Интересная версия. И какое это дело?

Наташа тоже рассмеялась в ответ. С Андреем было не страшно шутить на любые темы, он адекватно реагировал на юмор и не страдал излишней обидчивостью. И его влюбленность в Наташу не была закрыта для обсуждения, он легко говорил об этом как о чем-то раз и навсегда решенном, не подлежащем изменению и в то же время абсолютно нормальном и не постыдном. Он не млея, не краснел и не заикался в ее присутствии, не одолевал телефонными звонками в самое неподходящее время, не заваливал букетами цветов и подарками на глазах у окружающих, не дежурил под окнами и не вымаливал свиданий. Он просто любил ее, не требовал ответа на свою любовь, вообще ничего не требовал, ни особого внимания, ни понимания, и старался быть Наташе хорошим добрым другом, который не отягощает своими проблемами и немедленно берется решать ее собственные. Андрей не скрывал своих чувств и даже подшучивал над ними, и насмешливое недоумение окружающих — в первую очередь Инны и Гриши Гольдманов — постепенно сменилось невольным уважением. Об этой безответной и безнадежной любви знали и Элла Львовна, и Ира, и родители Инны, и ее тетка Анна Моисеевна. Только Вадим не знал. Когда он бывал в Москве, Ганелин появлялся лишь при жесточайшей необходимости или в случае официального приглашения в гости.

— Ну, я не знаю... Мало ли. Может, ты скрытый гомосексуалист, и, вот чтобы к тебе не приставали насчет женитьбы, ты всем говоришь, что, мол, безответно влюблен в меня. Имей в виду, — шутливо продолжала Наташа, — с первого января для тебя наступают черные дни. Все, что ты для меня делал, теперь будет делать Вадим, и у тебя не будет поводов со мной видаться.

Она невольно сказала двусмысленность, но поняла это не сразу, а когда поняла, то от души расхохоталась, и вслед за ней расхохотался Андрей.

— Господи, Андрюша, — она осторожно вытерла выступившие от смеха слезы, стараясь не размазать тушь на ресницах, — почему мне с тобой так легко? Я уже давно ни с кем так не смеюсь, как с тобой. С другими мне приходится быть строгой, деловитой, даже жесткой, дашь слабину — тут же на шею сядут. А с тобой я чувствую себя совершенно свободно. У меня даже секретов от тебя нет, ты мне уже не друг, а подружка.

— Ну, один-то секрет у тебя есть даже от меня, — заметил он серьезно.

Наташа, расслабленная и развеселившаяся, не заметила перемены в его голосе и продолжала шутить:

— Ты имеешь в виду секрет моей неиссякаемой привлекательности для тебя?

— Нет, другой. Ты знаешь, о чем я говорю. Неужели так и не расскажешь никогда?

— Прости. — Наташа тоже стала серьезной. — Это не моя тайна. Была бы моя — обязательно рассказала бы. А так — не могу.

Игорь

Он не хотел просыпаться, как не хотел этого все последние годы. Проснуться означало начать новый день. Рабочий день. А он ненавидел свою работу, хотя и справлялся с ней, причем справлялся настолько лихо, что его то и дело поощряли то премиями, то благодарностями, то почетными грамотами, даже очередное звание присвоили досрочно. Капитан милиции Игорь

Мащенко был одним из лучших, если не лучшим в своем подразделении, но работу, которую выполнял ежедневно и добросовестно, он все-таки не любил. Тягостна она была ему, не интересна, не нужна. Но изменить свою жизнь и перейти на другую работу он не мог.

Мало того, что сегодня снова нужно идти на работу, так еще и Новый год надвигается, а это означает, что нужно идти к Женьке Замятину. Четыре раза в год, четыре визита, четыре встречи — это тот минимум, сокращать который нельзя. Новый год, 23 февраля — День Советской Армии, Женькин день рождения и день смерти Генки Потоцкого. Вернее, не смерти, а гибели, геройской гибели в Афганистане. На каждую встречу с Женькой Игорь шел как на казнь, сам Женька ему тоже уже давно был не нужен и не интересен, и их воспоминания об общем школьном детстве, когда жив был еще Генка Потоцкий, когда они собирались попутать в летное училище, а потом становиться космонавтами, — и воспоминания эти были ему не нужны. Но не ходить к Замятину он не мог.

— Сынок, пора вставать!

В комнату заглянула мама, и в открытую дверь сразу же потянуло вкусными запахами жарящихся сырников с изюмом, свежемолотого кофе и еще сладковатым ароматом шампуня — мама только что вымыла голову, и этот запах исходил от ее мокрых волос.

Как обычно по утрам, настроение у Игоря было мрачным, да и какое же может быть иное настроение перед рабочим днем, наполненным делами и заботами, от которых мутит, просто выть хочется. К вечеру Игорь веселел, понимая, что все заканчивается и до следующего рабочего дня можно расслабиться. Но утром он был в тяжком расположении духа.

— Ты сегодня поздно придешь? — спросила Елизавета Петровна, когда он сел завтракать.

— Поздно. Сегодня надо к Женьке съездить, с Новым годом поздравить. А что, я тебе нужен?

Хорошо бы у мамы нашлись неотложные дела, которые никак, ну просто никак невозможно сделать без по-

мощи сына. Тогда можно было бы не ездить сегодня к Женьке, отложить до завтра. Правда, они уже договорились, Игорь вчера звонил другу и предупредил, что сегодня заедет, но можно и передоговориться. А Женька, если повезет, скажет, что завтра никак не может, а послезавтра не сможет сам Игорь... и проблема рассосется сама собой, до 23 февраля.

— Сегодня должны новую мебель привезти, я хотела, чтобы вы с папой ее собрали и поставили. Хочется Новый год встретить в новой обстановке, а то живем как на вокзале. Но если ты занят, тогда сборку отложим до завтра. Или я попрошу кого-нибудь из соседей помочь.

Елизавета Петровна хлопотала у плиты, дожаривая сырники и поглядывая на турку с кофе. Уловив момент, когда темно-коричневая пенка начала угрожающе быстро подниматься, она ловко сняла турку с раскаленного диска электроплиты.

— Я постараюсь пораньше вернуться, — пообещал Игорь. — Или позвоню Женьке, извинюсь, скажу, что приду в другой раз.

— Нет-нет, сынок, не надо откладывать, раз договорился — иди. У Жени и без того мало радостей в жизни, поздравь его с Новым годом, подарок вручи. Что ты ему подаришь?

— Зажигалку. Дорогую, импортную. А что отец не встает? У него сегодня выходной?

Сырники были сладкими, но Игорь еще полил их сверху клубничным вареньем. Вот теперь вкус стал как надо, и это несколько примирило его с действительностью. Еще пятнадцать минут можно поглощать завтрак и пить кофе и не думать о постылой работе.

— Папа встанет попозже, ему сегодня к двенадцати, — пояснила мать, присаживаясь за стол напротив Игоря. — Между прочим, ему удалось устроить Верочку на работу.

— Мои поздравления, — пробурчал Игорь.

Он терпеть не мог, когда родители пытались заговорить с ним о бывшей жене. И что за манера: сын с невесткой давно расстался, а они все еще считают ее чуть

ли не членом семьи, обсуждают ее дела, помогают. Елизавета Петровна, словно и не замечая недовольного тона Игоря, продолжала рассказывать:

— Очень хорошая работа, в одной фирме, торгующей медицинскими препаратами. Как раз Верочке по специальности. И платят хорошо, не то что в поликлинике.

— Мама! — Игорь с отвращением отодвинул от себя тарелку с недоеденными сырниками, они колом вставляли в горле и казались уже не вкусными, а противными. — Я не хочу ничего слышать о Вере. Мне это не интересно. Она меня бросила, а теперь ты хочешь, чтобы я интересовался ее жизнью и беспокоился о ее трудоустройстве?

— Сынок, но ведь ты сам виноват в том, что она тебя бросила, — с упреком произнесла мать. — Ты чудовищно обращался с ней, ни одна нормальная женщина этого не вынесла бы. Ты приходил домой пьяным и кричал на нее. Ты изменял ей...

При последних словах голос матери дрогнул, словно даже мысль о подобном поведении сына была ей невыносима, а уж озвучивание ее требовало и вовсе непосильного напряжения. Конечно, она говорила правду, Игорь позволял себе и напиваться, и орать на Веру. И насчет супружеских измен — тоже правда. Но разве он виноват в том, что не может на протяжении длительного времени испытывать интерес к одному и тому же человеку? Ему быстро надоедали и женщины, и друзья. Он уставал от них. И отчего-то был уверен, что вот уж следующая его женщина окажется такой, которая прикует его внимание к себе всерьез и надолго, заводил новую интрижку, влюблялся, но чувство остывало даже быстрее, чем ему хотелось бы. То же самое происходило и с друзьями, он вовлекался в близкие доверительные отношения и очень скоро начинал испытывать откровенную скуку в обществе этого человека. Как он был влюблен в Верочку! Тогда, в 1984 году, когда он женился на ней, ему казалось, что нет никого на свете лучше ее, добрее, нежнее, умнее. И уже через два года, привезя ее

в Москву, начал тяготиться молодой женой. Родители поначалу были в ужасе, ну как же, привез в столицу какую-то провинциалку из сибирской Тмутаракани, теперь ее еще и прописывать нужно, а она обживется, осмотрится, да и вильнет хвостом на сторону, потом придется жилплощадь делить, квартиру разменивать. Конечно, со временем они к Вере привыкли и даже по-своему привязались, особенно Елизавета Петровна: все-таки коллеги, обе врачи, есть что пообсуждать за ужином. Игорь никак не ожидал, что Вера уйдет, сама уйдет, и уже тем более не ожидал, что его мать и отец начнут принимать столь деятельное участие в ее судьбе. Виктор Федорович использовал все свои связи, чтобы выбить бывшей невестке жилье, и Вера в прошлом году получила однокомнатную квартиру где-то на окраине, так что обошлось без размена родительских хором. Теперь вот на работу ее пристроил, на фирму...

— Нам с папой стыдно за тебя, за твое поведение, поэтому мы считаем своим долгом хоть как-то искупить твою вину перед Верой, — говорила между тем Елизавета Петровна. — Разумеется, мы не были в восторге от твоего выбора, ты мог бы и в Москве найти себе жену не хуже, но в конце концов ты привел ее в наш дом, мы ее приняли, а потом ты начал вести себя совершенно недопустимо. Да, мы с папой не одобряли твоего выбора, но это не означало, что ты мог вести себя как последний хам! И между прочим, она родила тебе ребенка, а от алиментов при разводе отказалась.

— Мама, не делай из Веры воплощение благородства, — поморщился Игорь, медленно допивая кофе. — Она отказалась от алиментов только потому, что вы с папой пообещали ее финансово поддерживать, причем в размерах, значительно превышающих двадцать пять процентов моей ментовской зарплаты. А судья, к которому папа предварительно сходил с букетом цветов и пачкой дефицитных билетов в театры, согласилась развести нас в течение пяти минут и без всяких дурацких сроков на примирение, но при условии, что у сторон не будет имущественных споров и претензий на алимен-

ты. И в конце концов, она сейчас прекрасно устроена, с квартирой, с работой. Что ты от меня хочешь? Чтобы я ползал перед ней на коленях и умолял вернуться?

— Прекрати! Мы с папой хотим, чтобы наш сын вел себя как мужчина. Если ты привез Веру сюда и стал отцом ее ребенка, то ты не имеешь права отворачиваться от нее и лишать поддержки. Ты выгнал ее из дома с ребенком на руках...

— Она сама ушла! Не надо передергивать.

— Да, она сама ушла, но ты создал такие условия, при которых она не могла больше оставаться в нашем доме...

Этот разговор возникал с мучающей Игоря периодичностью, и он начинал догадываться, почему мама так болезненно реагирует на ситуацию. Она заставила себя полюбить Веру, потому что таков был выбор ее сына, и теперь она, как человек добрый и порядочный, вынуждена продолжать поддерживать невестку и внука, потому что ее сын оказался, мягко говоря, не на высоте. Иными словами, он, Игорь, навязал своим родителям Веру, сначала притащил ее в Москву, а потом разлюбил и фактически вынудил уйти. К маленькому сыну он никаких особенных чувств не испытывал, во всяком случае интерес его к ребенку был не настолько силен, чтобы добиваться у Веры разрешения на встречи с Павликом. Этого родители тоже понять не могли и регулярно навещали внука, привозя с собой горы игрушек, фруктов и конфет. Игорь с ними ни разу не ездил. Ему не хотелось видеть Веру, она была ему больше не интересна.

День, так неудачно начавшийся с неприятного разговора, продолжал складываться в том же стиле. Ночью ударил мороз, и машина никак не хотела заводиться, Игорь бился над непокорным двигателем минут сорок и в результате опоздал на службу. На этот день у него были назначены две очные ставки, а до этого еще три допроса, вызванные люди сидели в коридоре перед дверью его кабинета, злые и напряженные. И снова, как и каждое утро, идя по длинному коридору с выкрашенными чудовищного цвета масляной краской стенами и

выщербленным полом, Игорь испытал приступ тошноты. Господи, как же он ненавидит свою работу!

Он кое-как дотянул до конца рабочего дня и отправился к Замятину. Лучше уж отмучиться сегодня и на два месяца забыть о нем. Не станет он звонить и переносить встречу.

Женька жил все там же, где и раньше, когда еще в школе учился. Вместе с ним жили мать и сестра с двумя детьми. Некоторое время назад еще и муж сестры был, но теперь он искал супружеского счастья с новой женой.

— Проходи, Игоречек, — приветливо пригласила Женькина мать, открывая дверь. — А Женя тебя уже давно ждет.

Ждет! Эти слова резанули Игоря как ножом. Как бы он хотел никогда больше не переступить порог этого дома, никогда не видеть больше Жеку, не разговаривать с ним, не вспоминать о Генке. Забыть обо всем и устроить свою жизнь так, как хочется. Но разве он может перестать приходить, если Женька ждет?

Женька выкатился ему навстречу в инвалидной коляске. Вместо ног — две культы. Протезы у него есть, но плохого качества, ходить в них больно, кожу натирают, поэтому дома Женька предпочитает их не надевать. Испитое, рано постаревшее лицо чисто выбрито — видно, к приходу Игоря постарался.

— Здорово. — Женька, не вынимая сигареты из угла рта, протянул ему руку. — Чего так поздно? Я уж думал, вообще не придешь.

— На работе задержался.

— Что, на передовом фланге борьбы с преступностью? Не щадя живота своего? Пять минут не доработаешь — и бандитизм захлестнет страну?

И это, как и утренний разговор с матерью, повторялось из раза в раз и тяготило Игоря. Он сам мог бы сказать куда больше резких и язвительных слов о ненужности своей работы, о ее полной бесполезности, о продажности милиционеров и всесиилии криминала, обладающего деньгами, связями и силой, о смехотвор-

ности усилий государства обуздать наглых и вооруженных до зубов преступников при помощи робких, плохо обученных и связанных по рукам и ногам многочисленными инструкциями и приказами сотрудников милиции. Он знал все это гораздо лучше Женьки. И потому не хотел больше работать следователем. Вообще работать в органах внутренних дел не хотел. Но и уйти не мог, потому что нужно было изо всех сил делать вид, что выбрал свою профессию по призванию, а не по возможностям отца устроить в вуз. Ведь не должен он был поступать на юрфак! Не должен, потому что, во-первых, не испытывал к юриспруденции ни малейшего интереса, а во-вторых, они же договорились с Генкой и Женей, что вместе пойдут в армию, а потом снова будут поступать в летное училище. Ребята сделали так, как договаривались, а он их обманул. Струсил, испугался армии, поддался на уговоры родителей и малодушно сбежал в Томск поступать в университет. Кто же мог предполагать, что через несколько месяцев наша страна ввяжется в афганскую войну и ребята попадут в самое пекло? Генка Потоцкий погиб, Жека Замятин остался без ног. И только Игорь Мащенко здоров, весел и благополучен.

Самым страшным было чувство вины, которое грызло Игоря день и ночь с того самого момента, когда он узнал о том, какая участь постигла его друзей. Конечно, если бы он не струсил и пошел вместе с ними служить в армии, это вряд ли изменило бы судьбу Генки и Жеки. Все равно они попали бы в Афганистан, а там никто никаких гарантий не дает... Но это был уже второй его трусливый поступок. А вот первый, тот, что не давал ему покоя, действительно изменил всю их жизнь. Та двойка по математике не была случайной. Игорь сделал все возможное для того, чтобы его письменная работа была оценена именно так. Делал нелепейшие ошибки и старался показать, что ничегошеньки в этой науке не понимает. Он не хотел становиться летчиком, жить в казарме и подчиняться уставу. И не смел сказать об этом друзьям. Тогда ему казалось, что он придумал

очень здорово: ребята поступят и будут учиться в летном училище, а он вернется домой. Но они, верные принципам мушкетерского братства, забрали свои документы. Вместе — так вместе. Не можем вместе учиться — будем вместе служить. Игорь пытался их отговорить, но Генка, а вслед за ним и Жека твердо стояли на своем. Вот и получалось, что Игорь струсил, испугался тягот армейской жизни, и поэтому погиб Генка. А Жека остался без ног. Все случилось из-за него. Он во всем виноват.

И теперь ему приходится доказывать и Женьке, и самому себе, что он искренне и горячо хотел стать следователем, поэтому и поступил на юридический. Что работа следователя — смысл всей его жизни, что желание стать летчиком было всего лишь юношеской ошибкой, романтическим порывом, за которым не было на самом деле ничего, даже элементарных способностей, вот и по математике он пару схватил. Он просто вовремя спохватился, понял, что хочет быть не летчиком, а следователем, что только в этом его истинное призвание. Поэтому он не стал дожидаться очередного призыва на военную службу вместе с друзьями, а подал документы в университет. Это было той новой правдой, которую Игорь выдумал сам для себя, когда узнал о том, что случилось с его друзьями. Для себя, для тех, кто знал о Генке и Жеке, и для самого Жеки Замятина.

Будь проклят тот день, когда он встретил на улице Колобашку! Это случилось четыре года тому назад. Игорь работал следователем в Москве и готовился поступать в адъюнктуру Академии МВД СССР, далее по плану следовало написание диссертации, ее защита и затем спокойное и размеренное преподавание уголовного права вдали от ночных вызовов на происшествия, окровавленных трупов и прочих прелестей практической работы. В то время еще не было Закона о милиции, согласно которому любой сотрудник мог в любой момент снять с себя погоны и уйти на гражданку. Тогда, в 1987 году, поступившие на службу в МВД обязаны были оттрубить положенные 25 лет и только потом

думать об уходе. И Игорь Мащенко, попавший на следственную работу и вообще в орбиту юридической профессии исключительно волею случая, хотел оставшиеся 22 года (3 он уже отслужил) провести в относительно комфортных условиях научной и педагогической деятельности при погонах, зарплате, льготах и перспективах на высокую пенсию. Будущее в тот момент казалось ему если и не радужным, то вполне удовлетворительным. И вдруг Колобашка... Этот идиот Колбин, встретившийся ему случайно на улице. И тут же затараторивший об одноклассниках, кто, где и кем работает, кто на ком женился, у кого какие дети. Оказалось, Колобашка всеми интересовался, и этого интереса Игорь понять не мог. Одноклассники — пройденный этап, они остались в прошлом, а жить надо будущим. После возвращения из Сибири в Москву сам он ни разу не позвонил ни Генке Потоцкому, ни Жеке Замятину. Они были ему не нужны. И он боялся выяснения отношений, упреков в том, что не сдержал слова, не выполнил их общую договоренность. Игорь просто сделал вид, что таких друзей у него никогда не было. Тем более за время его учебы в университете родители ухитрились еще раз сменить квартиру, переехали в другой район, и теперь у них были не только четыре комнаты вместо трех, но и другой номер телефона. Этот номер не знали ни Генка, ни Жека, и Игорь успокоился. Сам он их искать не станет, а они его, даже если захотят, не найдут. Номер телефона Виктора Федоровича Мащенко (а телефон зарегистрирован на отца) в справочной службе не давали, отцовские связи оказались полезными и в этом вопросе.

Игорь понимал, что последует за этой встречей. Активный и общительный (и когда только он успел таким стать? Ведь в классе он был изгоем, с которым никто не хотел дружить), Колобашка если не сегодня, то уж завтра-то наверняка побежит к Жеке и расскажет о встрече с Игорем. Игорь теперь знает о том, что Генка погиб, а у Жеки нет обеих ног. И в такой ситуации Игорь просто не может не объявиться. Чтобы как-то объяснить